

Глава 67. Ловушки сознания

Разумеется, не могло оказаться так, чтобы, появившись в Хогвартсе, новые лидеры Светлого круга в Магической Британии не поинтересовались: как живет и чем дышит их главная проходная пешка — Гарри Поттер. Так что уже при втором посещении школы один из учеников Огюста ненавязчиво подстерег меня у входа в Большой зал и представился:

— Даниэль Жерар к Вашим услугам!

При этом он честно и открыто смотрел мне прямо в глаза... А то, что его левая рука при этом была скрыта под мантией — это вовсе мелочи жизни, на правда ли?

* * *

Даниэль настороженно огляделся. Как и ожидалось, защита ребенка была не слишком хороша... хотя уже само по себе ее наличие у ученика, еще даже не сдавшего СОВ представлялось чем-то невероятным. Но ученик и помощник одного из сильнейших мастеров-менталистов Светлого круга прошел ее, как ветер проходит через кисейную занавеску. Главным тут было не «пройти защиту», а сделать это аккуратно, не навредив ребенку. В конце концов, даже если шанс «дожить до двадцати» у данного конкретного ребенка — минимальный, практически не отличимый от нуля даже в маггловский... как его... мелкоскоп, это не повод для того, чтобы его калечить... тем более — калечить разум и душу.

Аккуратно просочившись через внешний барьер, Даниэль стал потихоньку нащупывать основные ассоциации, позволяющие ориентироваться в чужом разуме. Это была стандартная процедура, и светлый маг не ожидал на этом этапе никаких сюрпризов.

И, разумеется, сильнейший всплеск эмоций, потащивший точку сосредоточения собственного «я» Даниэля куда-то в глубины чужого разума, «сюрпризом» не стал: такое случается. И случается весьма часто. Так что методы выхода из этой ситуации давно наработаны.

Разумеется, пытаться силой противостоять эмоциям хозяина сознания, находясь внутри этого самого сознания было бы безнадежно глупо. И Даниэль, как опытный легилемент, об этом, конечно, знал. Поэтому он расслабился, и позволил эмоциям нести себя, как пловец позволяет утащить себя водовороту, зная, что его ярость не может быть бесконечной, и где-то там, внизу, обязательно есть дно, вблизи которого сила течения уменьшится, и позволит отплыть от гибельной ловушки.

Мелькающие картинки, образы и даже силуэты, остановили свое вращение, и Даниэль вынырнул из потока. Он стоял посреди обширной равнины, распростершейся во все стороны, насколько хватало взгляда. Вся равнина узкими дорожками была расчерчена на белесо-зеленые и темно-зеленые клетки.

— Н-да... — задумчиво произнес Даниэль, — Не хватает только...

— Шах тебе! Шах! — донесшийся со спины вопль заставил Даниэля подпрыгнуть, а потом — рухнуть на землю и перекатиться.

— ...Черного рыцаря, — ошеломленно произнес странник по чужим сознаниям, глядя, как мимо проносится бронированная башня на огромном вороном дестриэ. — Страж сознания? У пятнадцатилетнего? Да бросьте...

Но, как бы не сомневался светлый маг в возможности того, что было дано ему «в ощущениях»,

желания быть наколотым на копье, размером с телеграфный столб, и распротиться, в лучшем случае, с изрядной долей собственной памяти у него отсутствовало напрочь. Поэтому он, не дожидаясь, пока Черный рыцарь справится с инерцией и развернется для очередной атаки, вскочил и кинулся бежать прямо в ближайшую клетку, оказавшуюся светло-зеленой.

— Ожидать спасительно появления Белого рыцаря было бы неоправданным оптимизмом, — подумал Даниэль, напряженно работая ногами.

Приближающийся металлический лязг и вопли «Шах тебе!» за спиной возвестили, что Страж Сознания неотвратно приближается. Идея пешком убегать от конного не нравилась Даниэлю от слова «совсем». Так что маг резким движением бросился в сторону от предыдущего направления движения, и затаился.

Как Даниэль и ожидал, Страж пронесся мимо и потерял цель из виду. Зато Даниэля, а точнее — весь слой сознания. В котором он находился, захлестнул очередной поток эмоций. Он нес в себе огромную плоскую равнину, сворачивая ее в «сияющий трапецоэдр», чтобы это не значило. Дождаться, когда пространство, в котором он пребывает, схлопнется, Даниэлю не хотелось, поэтому он резким усилием разорвал саму ткань пространства, мысленно извиняясь перед Гарри за причиненную боль.

Выскочив из почти захлопнувшейся ловушки, Даниэль осмотрелся. Семь черных звезд медленно вращались в пустоте, намекая на некую тропу... Вот только при мысли о том, чтобы вступить на нее интуиция Даниэля взывала, как колокола громкого боя на маггловском военном корабле, на котором Даниэлю как-то довелось переплывать Ламанш.

Воспоминания подростка закружились, в очередной раз пытаясь слиться в водоворот. Вот мужчина каких-то неприлично-шарообразных очертаний с размаху бьет ребенка ногой... Видимо, последовавшее за этим — было бредом. Мелькание цветов, чудовищные твари... разгоняемые окриком темного крылатого силуэта... Огромная башня, фиолетово-прозрачной иглой пронизывающая облака, город на дне моря, где неумолчно звонят колокола, чтобы шум варпа не дал пробудиться тому, кто спит в глубине... Чудовищный змей с единственным глазом, полыхающим, подобно огненному рубину, возвышается над замком, неприятно напоминая Хогвартс... Врата Ада готовы распахнуться, выпуская наружу скрытый за ними ужас...

— Сильно же мальчишке досталось, — выдохнул Даниэль. — Такой бред я встречаю в первый раз...

Немного отдышавшись, Даниэль огляделся. Окружающее стало тем, что он, собственно, и привык видеть, погружаясь в чужое сознание. Сложные символические конструкции, которыми отображались в его глазах ассоциативные, символические и логические связи образовали чудовищную, непредставимых размеров и сложности паутину, в узлах которой располагались воспоминания. Разобраться во всей этой мешанине не было никаких возможностей, оставалось только попытаться зацепиться за какое-нибудь значимое воспоминание, близкое по теме к нужному, и постепенно переходить от одного воспоминания к другому.

Пытаться использовать в качестве ключа образ погибшего мастера Дароу Даниэль, помня об обуревающих подростка эмоциональных штормах, посчитал чересчур опасным. Так что начать пришлось с чего-то более мягкого. К примеру — с образа рыжей девчушки, что тащилась за парочкой из Героя-жертвы и его кудрявой подружки.

Сознание подростка встряхнуло. Как ни странно, похоть в отношении довольно-таки привлекательной девчонки почти не проявилась, зато жадность... Жадность была на уровне начальной стадий того, что матер Дароу и его ученики называли «корраптом». Впрочем, мракоборцы (настоящие, а не те «волшебные полицейские», как в этой Британии), пользовались той же самой терминологией. Коррпат. Разрушение души под действием силы Тьмы и/или Хаоса. Признаки этого были ожидаемы. Более того, почував давно ожидаемую скверну, Даниэль расслабился. Было бы странно, если бы подросток, заключивший и поддерживающий кровавый пакт с темными силами оказался совсем не подвержен их воздействию. Как раз в этом случае следовало бы обеспокоиться: подобного просто не могло быть, а если бы было — то это означало бы, что Даниэль что-то сильно упустил. Состояние души мальчишки было несколько хуже, чем Даниэль надеялся, но значительно лучше, чем боялся. По сути, стоило бы ожидать даже немного худшего. Но, похоже, избранник Пророчества в самом деле оказался силен и чист душой. Скверна Хаоса разъедала его душу медленно. В мальчишке еще практически не было грехов Гнева, Похоти, Чревоугодия... Даже Зависть и Уныние не тревожили душу мальчишки... по крайней мере — в масштабах больших, чем свойственно человеческому подростку. Но вот Жадность и Гордыня свили в этой душе крепкое надежное гнездо. Хорошо в этом было лишь то, что, по прикидкам Даниэля, верх они возьмут лишь годам к тридцати... А до такого возраста мальчишке точно не дожить. Самозванный темный лорд-полукровка, сын маггла и почти сквибы такого точно не допустит.

Даниэль отступил, еще раз оглядев общие очертания души Гарри Поттера, Мальчика-который-выжил. Он по-прежнему не рассчитывал на понимание деталей чужого сознания. Но вот уловить хотя бы общие очертания — Даниэлю удалось.

— Центр Вселенной, значит, — проворчал он, еще раз просматривая воспоминание о девочке, что шла рядом с Избранным, зная, что впереди их ждет сильный и опасный враг. — Ну, намудрили, старики... — фыркнул он, имея в видѣ двух давних противников: Дароу и Дамблдора. — Намудрили...

* * *

Когда юный (ну как юный... он выглядел существенно моложе, чем был на самом деле... но даже его шестьдесят смотрелись бледно рядом со ста двадцатью Дамблдора, двумястами Огюста Сен-Жака, и, тем более — шестьюстами Фламея) светлый маг выскользнул из его сознания, я втайне облегченно выдохнул. Как менталист он оказался силен. Очень силен. Сумел добраться до истинных воспоминаний, хотя и принял их за бредовые видения. Подвело его то, что менталистике сила значит не так много, как некоторым бы хотелось. Даниэлю не хватило даже не «опыта» — «школы». Тех знаний, которые Священная имперская инквизиция накопила за долгие тысячелетия, в течение которых Ордо Маллеус то враждовал, а то, надо признать, и сотрудничал с нерожденными тварями, порождениями варпа, и учился разбираться в демонических уловках. И этого разрыва было не преодолеть одиночке, как бы силен и талантлив он ни был.